

Прежде всего, представляется недостаточно убедительным ограничение рамок издания IV—V вв. и исключение в связи с этим из его состава более поздних тканей; столь же мало убедительным представляется нам и исключение из каталога тех тканей, которые имеют орнаментальные изображения.¹ Мотивировка хронологического ограничения тем обстоятельством, что издаваемые ткани „были созданы в последний период борьбы язычества и христианства в Египте и отразили в своих изображениях ход развития этой борьбы; ткани же VI—VII веков имеют уже иной характер, и их изображения отражают в основном идеи и образы победившего христианства“ (стр. 19), вызывает серьезные сомнения. Полностью учитывая значение религиозных форм идеологии в рассматриваемый период, отнюдь нельзя считать этот момент решающим для периодизации даже такого конкретного материала, как ткани. К тому же авторы вступают в противоречие с собственным пониманием исторического процесса: борьба старых и новых форм идеологии в полном соответствии с борьбой старых (античных) и новых (феодалных) форм общества еще далеко не была закончена в V в. Античные сюжеты и образы, воплощенные в памятниках Константинополя и многих других центров, продолжали жить и в последующие века так же, как они сохранялись в памятниках литературы, в пережитках языческих культов и т. п.

С другой стороны, несмотря на то, что в ходе изложения (как, например, на стр. 21 при определении различных форм туник, на стр. 23—24—при описании техники изготовления узоров, на стр. 26—в рассказе о погребении Аврелия Коллуфа и в ряде других мест) неоднократно встречаются беглые указания на основания для датировки тканей, читателю все же остается неясным, каковы основные критерии для определения времени изготовления тканей. Не слишком ли увлекаются авторы критерием сюжета изображений, не совпадающим, кстати говоря, с понятием идейного содержания: не могут ли эти сюжеты навести их иной раз на спорные датировки? Было бы несправедливым обвинять авторов в том, что они при датировке игнорируют вопросы стиля (стиль, кстати говоря, не ограничивается формой, как это следует из нечетких формулировок на стр. 49 или 71, а органически включает и содержание),— в частности, этим вопросам уделено внимание в последнем разделе четвертой главы; однако, признавая сосуществование различных стилистических групп, они пренебрегают этим обстоятельством при датировке вещей и исходят из наличия единой линии развития стиля. Между тем ряд фактов говорит о том, что в эту переломную эпоху такой единой линии развития не было. Сосуществование разных стилистических групп как в период до победы христианства, так и после нее не подлежит сомнению. Христианская тематика должна была отразиться и в памятниках V в.; отсутствие ее в числе сюжетов на тканях рассматриваемого периода представляется сомнительным. В то же время мифологические образы, не чуждые искусству периода Юстиниана и даже более позднего времени, естественно представлены и на тканях VI в.

Быть может, привлечение орнаментальных тканей (не следует ли предполагать, что они в большей мере отражали народное искусство?) дало бы также ключ к датировке ряда сюжетных.

¹ Это можно объяснить лишь желанием наиболее полно опубликовать памятники. В таком случае рецензируемое издание следует рассматривать как первый том каталога.